

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В МИРЕ: UPDATE – ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, РАЗВИТИЕ

Научный руководитель:

*Ректор Дипломатической академии МИД России,
член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан
А.В. Яковенко*

Глобальная политика

Фундаментальные сдвиги: миропорядок etc

Современный мир переживает эпоху глубоких геополитических трансформаций. Сегодня это уже стало вполне зримой реальностью. Многие политики задаются далеко не праздным вопросом: что надо сделать для того, чтобы мир не завяз в конфронтации, а двигался по «правильной траектории». Причем даже лидеры ведущих западных стран, например, Э.Макрон, публично признают **«конец гегемонии Запада»** и подчеркивают необходимость скорейшей адаптации к качественно новой глобальной среде включая геополитический контекст. Призыв к подобному переосмыслению – логичный результат прямых ошибок самого Запада в проведении внешней политики методами, отставшими от императивов и вызовов современной эпохи. Но сегодня самоочевиден и такой важнейший, даже первостепенный фактор, как кардинальное усиление роли России, Китая, Индии, словом, ведущих «незападных» игроков на международной арене, – а с этим не считаться уже попросту невозможно. С другой стороны, назрела необходимость адекватной реакции на опасный рост напряженности

и конфликтов, в том числе военных, на волну терроризма, на кризис развития вообще и **кризис рыночной экономики** в частности – на все то, что позволяет констатировать «стабильное осложнение международных отношений», по меткому замечанию Министра С.В.Лаврова¹. И, разумеется, требует учета, что одной из самых весомых составляющих окружающего нас мира стали технологическая и «цифровая» революции, меняющие сам образ жизни и общения людей.

Каковы же новые мировые политические реалии?

Ясно, что сегодня не имеют смысла ни возврат к биполярности сверхдержав, канувшей в прошлое с окончанием «холодной войны», ни некая заведомо провальная модель однополярности, которая на поверку оказалась **«однополярным моментом»** и которую то и дело пытаются поддержать на плаву, причем не только в военно-политической, но и торгово-экономической и технологической сферах, элиты западных стран под лозунгом **«либерального порядка»**, все альтернативы которому якобы заведомо авторитарны, а то и тоталитарны. По сути, речь идет об отказе всех остальных от исторического творчества и пресловутом «конце истории», только в другой упаковке. Понятно, что авторы этого порядка далеко не бескорыстны, претендуя ни много ни мало на собственное доминирование над другими и, понятно, на способ существования за счет других. К тому же, в нынешнем изменившемся и взаимозависимом мире, когда проблемы развития вышли на первый план для всех государств, включая западные, абсолютно бесперспективны попытки сохранить либо «обновить» устаревшие и громоздкие военно-политические альянсы, будь то многосторонние типа **НАТО** с прицелом на расширение чуть ли не по всем азимутам, или же двусторонние. Их функционирование осложняет взаимоотношения между отдельными странами, как, например, заключение мирного договора между Россией и Японией, уже не говоря о том, что такие

---

¹ Интервью С.В.Лаврова МИЦ «Известия», Владивосток, 04.09.2019.

союзы более не вписываются в стремительно эволюционирующий региональный контекст, будь то Восточная Азия или Европа.

Ответ на вопрос о пробивающей себе дорогу новой, рациональной и справедливой архитектуре международных отношений однозначен – это **полицентричный миропорядок**. Лишь на этой основе, уже успевшей зарекомендовать себя на региональном, да и на глобальном уровнях, политические и экономические игроки могут, как и подобает партнерам, искать решения, выигрышные для всех сторон, – чтобы все они стали победителями, без побежденных и «триумфаторов». Залог тому – своего рода «обоюдная эмпатия», предопределяющая взвешенные, аккуратные подходы, позволяющие в полной мере обеспечить собственные национальные интересы, которые должны быть сформулированы так, чтобы не покушаться на интересы других. Иначе говоря, речь о том, чтобы вести дела друг с другом не через ультиматумы, а на основе уважительного поиска баланса интересов. Иного в современной мировой политике и быть не должно, если все отдадут приоритет дипломатии как ключевому методу регулирования отношений между государствами. Такой подход проецируется на «основу основ» – экономику в условиях, когда свобода перемещения товаров и услуг достигла небывало высокого уровня, а разного рода санкционные меры, включая **технологическое сдерживание Китая**, если и имеют экономический смысл, то только в плане ведения недобросовестной конкуренции.

Однако процесс осознания этой, казалось бы, очевидности, совсем не прост. Он наталкивается на неготовность Запада, причем несмотря на его ответственность за продолжающийся **Глобальный финансовый кризис**, разразившийся в 2008 году, принять новые реалии, на попытки противопоставить ему в различных районах мира опасную концепцию **«порядка, основанного на правилах»**, произвольно изобретаемых (и, как правило, никак не артикулируемых) с целью присвоить результаты глобализации и успехи зарождающегося инклюзивного международного

сообщества, а то и обратить эти процессы вспять. Для этого пытаются навязать искусственные узкие форматы поиска решения проблем, отрицая принципы открытости, инклюзивности и плюрализма мнений.

Главным апологетом внедрения таких нелегитимных новаций сегодня являются США, проповедующие партнерам повсюду в мире оправданность опоры на подобный «порядок». Достаточно, к примеру, упомянуть публичные рассуждения о том, что все «молодые тигры»/динамично развивающиеся экономики обязаны своим процветанием только Америке, что именно США чуть ли не в одиночку «создали» многосторонние форумы, подобные АСЕАН и АТЭС². Из всего этого следует претензия США на свою исключительность и единоличное лидерство как некие гарантии сохранения всего накопленного позитива в сфере международных отношений. Похоже, налицо серьезное непонимание того, что мир поменялся и посягательства на национальное достоинство неприемлемы, что пора высокомерных разговоров «единственной сверхдержавы» и «последнего суверена» (по Зб.Бжезинскому) в духе «ограниченного суверенитета» всех остальных давно прошла.

Активно действовать в соответствии с требованиями времени, оперативно отвечать на его вызовы способна помочь лишь твердая и последовательная опора на оправдавшие себя легитимные международные механизмы, и прежде всего ООН с ее Уставом, ставшие продуктом коллективного творчества государств и обеспечивающие надежный инструментарий разрешения труднейших вопросов мирового развития. Кроме того, вслед за ООН возникли и другие, уже уверенно вошедшие сегодня в практику общения государств и экономик институты, такие как «Группа двадцати», БРИКС, ШОС, АСЕАН, ОДКБ, ЕАЭС. Они, безусловно, достойны поддержки, особенно с учетом демонстрируемого их участниками стремления принимать решения, отражающие реалии полицентричного мира и основанные на выверенном балансе интересов. Это вполне согласуется

---

² Выступление М.Помпео по вопросам политики США в Азии в «Сиамском обществе», Бангкок, 2.08.2019.

с общепризнанными принципами международного взаимодействия, восходящими к **Вестфальскому миру**, который подвел черту под эпохой Религиозных войн в Европе (о чем было бы неплохо помнить самим европейцам, когда они читают нотации другим регионам).

С этим связана еще одна новая особенность современной обстановки, требующая нашего повышенного внимания, – то, что условно можно назвать **регионализацией глобальной политики**, что вполне соответствует духу и смыслу Главы VIII Устава ООН, которая, таким образом, раскрывает в новых условиях после окончания холодной войны заложенный в ней основателями Организации потенциал. Этот тренд неизбежен при переходе к полицентричному миру, в рамках которого меняется баланс сил и интересов. Ведь справедливая общемировая ситуация не складывается сама по себе и не может быть выстроена по устаревшим лекалам, тем более искусственно придуманным. Роль «кирпичей» такой конструкции выполняют сегодня региональные центры политического и экономического влияния и силы: укрепляются уже существующие в регионах многосторонние институты, появляются новые региональные акторы, повышается роль региональных валют. Именно региональные структуры берут на себя поиск региональных решений своих проблем в противовес прежней практике, включая эру биполярности, когда решения диктовались интересами внерегиональных гегемонов. Активное задействование этих центров – параллельно с шагами по укреплению глобальной стратегической стабильности – способно на деле содействовать укреплению международной безопасности и обеспечению устойчивости экономического развития. Ясно, что **Россия** с ее уникальной географией **евразийской державы** призвана сыграть в этом огромную роль.

Именно под углом этого тренда надо рассматривать положение дел в **СНГ** и сам этот формат, по существу евразийский. Он вписывается сугубым прагматизмом своих интеграционных процессов в другую актуальную тенденцию – выход на первый план для всех государств

проблематики развития, прежде всего социально-экономических вопросов. Собственно, с этого измерения многостороннего сотрудничества, идущего от жизни, реальных нужд людей, и начиналось Содружество, когда резко встал вопрос о сохранении совместимого с новой реальностью независимости бывших республик СССР общего социально-экономического пространства в целях поддержания стабильности, стимулирования экономического роста и повышения уровня жизни граждан. Сохраняет свою востребованность и общее гуманитарное пространство – культурное, научно-образовательное и иное. Появление новых угроз и вызовов, таких как терроризм, которые носят трансграничный характер, требует соответствующего внимания всех участников СНГ. А осложнение международной ситуации, в том числе в Большой Евразии – от Атлантики и Ближнего Востока до Дальнего Востока – делает как никогда актуальным разговор по внешней политике с выходом на координацию в этой важнейшей сфере обеспечения национальной безопасности.

Новая холодная война?

Сегодня многие заявляют, что современная система **международных отношений (МО)** все больше напоминает времена холодной войны. Однако она имеет ряд существенных особенностей, что исключает возможность проведения прямых параллелей между периодом биполярного противостояния и современным этапом. Среди них – значительная роль других «центров силы», в первую очередь, Китая, отсутствие идеологического противостояния между Россией и Западом при наличии серьезных угроз безопасности, общих для России и стран Запада. Хотя нельзя игнорировать попытки части западных элит выстроить новую ось идейного противостояния либерализм-авторитаризм, дабы обеспечить себе привычный статус-кво. Но общественное мнение самих западных стран в своем подавляющем большинстве эти потуги игнорирует, поскольку сказывается не только общее падение доверия к своему истеблишменту, включая

экспертное сообщество и традиционные СМИ. Радикально трансформируется сама система политических координат, где на место обычной повестки дня левых-правых приходят вызовы и угрозы глобального характера, прежде всего экологические.

В отличие от эпохи холодной войны сегодня речь идет об «**историческом Западе**», который сложился исторически и консолидировался идеологически в силу тогдашних геополитических императивов. Поэтому он во многом является, как и все в истории, преходящим явлением. Уже по состоянию **Европейского союза** можно судить о том, что даже на нашем континенте растет значение различий, культурно-языковых и иных, а не того, что объединяет. Собственно в этом главный источник кризиса ЕС. Такие явления, как **Брекзит** и **Д.Трамп**, указывают на линию разлома в Западном сообществе, которая – в новых условиях и без угрозы новой войны – воспроизводит прежний антагонизм на уровне мироощущения и политической культуры, давший две мировые войны. По многим проблемам точки зрения США и государств-членов Европейского союза все больше отличаются друг от друга, а нередко вступают в прямой конфликт. Различия в подходах особо ярко проявляются тогда, когда отсутствует конкретная тема, вокруг которой можно было бы объединиться. Наоборот, появление так называемых общих «угроз», в том числе, нарастание конфронтационных тенденций в отношениях между странами Запада и Россией, а теперь и Китаем, как правило, способствует поддержанию единства западных стран и «западной солидарности» в последнее десятилетие. Другое дело, что это наблюдается на уровне элит и носит искусственный по отношению к реальным проблемам западных стран характер, что существенно ограничивает ресурс такой политики.

Современная **внешняя политика Вашингтона** находится под разнонаправленным влиянием ряда факторов внутреннего и международного характера. Это и сохраняющиеся противоречия между действующей администрацией с одной стороны и истеблишментом, включая руководство

Демократической и частично Республиканской партии, и госаппаратом (так называемое «глубинное государство» – deep state), с другой. Еще один, относительно новый для США, хотя и долгосрочный фактор – усиление левых, социалистических настроений среди американских избирателей, преимущественно молодежи. Но даже этот активизм окрашен в современные тона и направлен против коррумпированных элит, их **неолиберальной экономической политики и финансиализации** экономической жизни. Внешняя политика Трампа во многом остается заложницей внутриполитических раскладов. Любой шаг нового американского президента используется ястребами, которые действуют на одной идейной волне с deep state и укрепляют свои позиции, блокируя многие внешнеполитические инициативы Трампа. Возможно, здесь корни так называемой «непредсказуемости» Трампа во внешней политике. Так, американский президент просто «вынужден» порой демонстрировать антироссийский настрой не столько потому, что это вписывается во внешнеполитические приоритеты его администрации (заявленные приоритеты – прямо противоположные), сколько под давлением оппонентов из демократического лагеря. Соответствующая риторика и некоторые шаги (например, выход из ДРСМД) носят во многом демонстративный характер, хотя и чреватые серьезными последствиями для всей мировой политики, и обусловлены, прежде всего, стремлением администрации подорвать позиции её внутренних политических оппонентов.

Важнейший фактор и в то же время ключевой пункт разногласий внутри американских правящих кругов – это объективные трудности, испытываемые Вашингтоном при реализации своего стремления любой ценой сохранить лидирующую роль в мире. В последнее десятилетие США все острее ощущают конкуренцию со стороны других быстро развивающихся стран, прежде всего, в лице Китая. Финансовая, торговая, экономическая, а теперь и военная мощь Пекина медленно, но неуклонно конвертируется в политическое влияние и представляет собой вызов для США, которые

претендуют на сохранение своей ведущей роли в международных делах и в мировой экономике. Отсюда дилемма: или сохранять прежнюю глобальную архитектуру, а с ней и всю послевоенную внешнеполитическую философию и стратегическую культуру, или её разрушать, раз она «работает» уже в большей мере на других, и действовать «транзакционно», не разбирая, кто союзники, а кто противники, и переходя в режим ручного управления – в отличие от институционально-нормативного? Трамп-«разрушитель»/disruptor видит бесперспективность первого и выбирает второе. Поэтому он отказался от проектов Транстихоокеанского партнерства (ТТП) и Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП). **Глобализация**, авторами и главными идеологами которой были американцы, больше не устраивает в полной мере американские политические элиты. Лидерство в этой сфере уже в ближайшее время может быть перехвачено Китаем, который в отличие от США выступает в роли адепта свободной торговли и глобального рынка, где китайский капитал чувствует себя все более комфортно. Вашингтон реагирует линией на **технологическое сдерживание Пекина**. Разумеется, новый вариант **изоляционизма** отвечает политической культуре Америки, пугает «друзей и союзников» и решает проблему «**потери империи**»/Pax Americana лишь на уровне психологического комфорта и самоощущения элит. Единственное рациональное решение – это переход к равноправным отношениям с другими ведущими государствами мира, опыта которых у США никогда не было, а конфронтационные отношения с СССР в данном отношении были вынужденной и исторически обусловленной аберрацией. Чтобы вписаться в **глобальный «концерт держав»**, Америке понадобятся время и неизбежный метод проб и ошибок, что будет одним из ключевых факторов нестабильности в мире в обозримой перспективе.

Характеризуя факторы, влияющие на внешнюю политику Вашингтона, выделим и ослабление американских позиций в странах Ближнего и Среднего Востока. Авторитет США в арабском мире поставлен под вопрос

вследствие многочисленных ошибок прошлых американских администраций. Навязывание арабскому миру западного образа жизни и западных ценностей не встречает понимания в традиционных обществах, отторгающих их все более активно. Популярность американской политики в регионе Ближнего и Среднего Востока падает. После катастрофического опыта войн в Ираке и Афганистане и вмешательства в Ливии Америка воздерживается от активных военных интервенций в регионе, предпочитая отдавать инициативу в руки «коалиций желающих» и тех союзников по НАТО, которые к этому стремятся, прежде всего Великобритании и Франции. Хотя очевидно, что эти страны не в состоянии взвалить на себя такое бремя и время массированных силовых интервенций Запада прошло.

Силовая политика: «кризис жанра»

Провал попыток Запада разрушить государственность Сирии и Венесуэлы, навязать Украине и другим странам бывшего СССР пронатовский выбор путем поддержки преступных действий различных террористических группировок, противоправной деятельности оппозиции или поощрения западными спецслужбами бандеровских и иных антироссийских структур свидетельствует о кризисе силовой политики Запада. Этот «кризис жанра» говорит о многом, и прежде всего о том, что времена открытого силового вмешательства Запада повсюду в мире проходят: на это нет ни ресурсов, ни тем более оснований, которые могут быть «проданы» общественному мнению самих западных стран – никаких экзистенциальных проблем, как это было в годы идеологической конфронтации, оно не решает. Речь идет об одном из отложенных во времени следствий окончания холодной войны.

Не менее важно и то, что комплексная **модернизация Вооруженных Сил России**, включая создание передовых систем обычных и стратегических вооружений, операция ВКС в Сирии, демонстрирующая способность «умного» (smart) ограниченного проецирования силы в поддержку сетевой

дипломатии в регионе и усилий по политическому урегулированию, а также Украинский кризис показали, что в глобальной силовой политике сформировалась высококонкурентная среда. То же верно в отношении военного строительства КНР, с чем США и их ближайшие союзники не могут не считаться. Тем не менее, они не оставляют попыток силового диктата в отношении неудобных стран и их правительств. Это подталкивает мир и целые регионы к новой гонке вооружений, подрывает международную безопасность и наносит ущерб стратегической стабильности. В отношениях с Россией Вашингтон ставит во главу угла обеспечение военного превосходства и подрыв стратегического паритета. Нарастают усилия по развертыванию глобальной системы ПРО, включая её позиционные районы в Европе и на Дальнем Востоке, усиливается активность НАТО вблизи российских границ.

Торпедирование Вашингтоном сначала Договора по ПРО, а теперь и ДРСМД создает риски демонтажа всей договорной архитектуры в области **контроля над вооружениям**. Туманной остается перспектива сохранения Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (ДСНВ-3). США затягивают ответ на наше предложение договориться о продлении этого договора после истечения срока его действия в феврале 2021 г. Появились признаки раскручивания пропагандистской кампании в США по подготовке почвы для окончательного отказа от Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Вашингтон также вышел (в мае 2018 года) из Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе, одобренного СБ ООН и имеющего огромное значение для ядерного нераспространения. Все это может поставить под угрозу уже Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) – ключевой механизм в сфере ядерного разоружения и нераспространения. Мир возвращается в реальность, которая существовала до Карибского кризиса октября 1962 года.

В дополнение к этому Вашингтон не исключает размещения оружия в космосе, в том числе в рамках ПРО, отвергая предложение России и Китая договориться об универсальной моратории на такую деятельность, а также начать переговоры по предотвращению размещения оружия в космосе.

В результате, мы являемся свидетелями системной **ремитализации международных отношений**: повышение роли ядерного оружия в доктринальных документах США, снижение порога его возможного применения, появление новых очагов вооруженных конфликтов (в том числе на уровне откровенного «спойлерства», как это происходит с военным присутствием США на северо-востоке Сирии), милитаризация киберпространства. Безответственное поведение американской администрации проявляется и на уровне практических действий: расширяется и совершенствуется арсенал ядерных вооружений малой мощности, которые нельзя не рассматривать иначе как оружие поля боя. Зашкаливает соответствующая риторика президента Д. Трампа. В целом повышаются риски возникновения войны и ядерной эскалации. Причем значительную долю ответственности за это несут не только США, но и их европейские союзники, следующие в русле установки администрации Трампа (в её Стратегии нацбезопасности) о подготовке к обычной войны в Европе.

Разумеется, риторика о возможности использования ядерного оружия в военном конфликте, которая все чаще звучит со стороны представителей США, вынуждает государства, в том числе и Россию, уделять повышенное внимание укреплению своих вооруженных сил.

Подобное развитие международной ситуации, приближающее мир к опасной черте, вызывает нарастающую тревогу у мирового сообщества, в том числе у многих трезво мыслящих деятелей на Западе. Недавно большая группа бывших влиятельных политических и военных деятелей 24 европейских стран, включая Россию и Великобританию, выступила с заявлением, призывающим страны Евroatлантического региона и Китай

активизировать усилия по разработке мер по снижению рисков и обеспечению **стратегической стабильности**. В свою очередь, Президент В.Путин обратился к государствам НАТО и другим странам со специальным посланием, призвав поддержать идею установления моратория на развертывание ракет средней и меньшей дальности наземного базирования и возобновления верификационных мер. К сожалению, это предложение не встретило понимания у наших западных партнеров, с порога отвергнувших его.

Таким образом, глобальная и европейская безопасность оказались заложниками геополитических игр тех, кто стремится любой ценой сохранить своё доминирование, отрицая реалии формирующейся полицентричной системы мироустройства, опирающейся на Устав ООН. Непрерывающееся расширение Североатлантического блока на Восток, наращивание противоракетного потенциала и военной инфраструктуры и активности НАТО на восточном фланге привели к серьезному кризису доверия в Евроатлантике.

Россия настойчиво призывает партнеров отказаться от взвинчивания конфронтации, соблюдать взятые на себя на саммитах **ОБСЕ** и в **Совете Россия – НАТО** обязательства не укреплять свою безопасность за счет безопасности других государств, реанимировать конструктивный диалог по вопросам безопасности и контроля над вооружениями.

Очевидно также, что обеспечить международную и региональную безопасность невозможно без урегулирования многочисленных кризисов и конфликтов на Ближнем Востоке и в Северной Африке (а теперь и в Латинской Америке), где ряд государств, в частности Сирия, Ливия и Йемен, стали жертвой геополитической «инженерии» США и их ближайших союзников. Как результат – всплеск терроризма, организованной преступности, незаконного оборота оружия и наркотиков, нелегальной миграции.

Россия готова к честному, аргументированному диалогу с США и их западными партнерами на любых площадках по всем назревшим вопросам укрепления глобальной и региональной безопасности, поддержанию стратегической стабильности и реанимации разоруженческой повестки дня. Наши предложения о начале серьезного разговора по всем аспектам стратегической стабильности остаются в силе. Сейчас важно начать стратегический диалог по конкретным угрозам и рискам и искать согласие по взаимоприемлемой повестке дня. Как мудро сформулировал выдающийся государственный деятель нашей страны Андрей Андреевич Громыко, 110 лет со дня рождения которого мы отмечаем в этом году: «Лучше десять лет вести переговоры, чем один день – войну».

Региональная политика

Евроатлантика

В последние годы союзники Вашингтона в Европе стремятся играть более самостоятельную международную роль, и эта политика вступает в явное противоречие с намерением США не понижать, а наоборот, повышать уровень дисциплины среди его европейских партнеров, добиваясь от них следования курсу, поддерживающему **«американское лидерство»**. Иначе говоря, Вашингтон надеется подтянуть европейские ресурсы для решения американских внешнеполитических задач и лучше контролировать союзников, сохраняя и укрепляя свои позиции в Европе. Раздувание мифа о «российской гибридной угрозе» создает для Вашингтона благоприятные условия, позволяя под этим предлогом дисциплинировать союзников. Отсюда – стремление США посорить страны ЕС с Россией посредством введения санкций, их участия в усилиях, направленных на демонизацию России и на то, чтобы её «поставить на место». Такая тактика уже не срабатывает в условиях кризиса в самом западном обществе и пять лет спустя после острой фазы кризиса на Украине. Свидетельства тому дают

встреча президентов В.Путина и Э.Макрона в Брегансоне в августе 2019 года и все громче раздающиеся голоса в пользу стратегической автономии Европы вообще и от «Америки Трампа» в частности. Серьезным пунктом разногласий между союзниками стал выход США из многостороннего соглашения по урегулированию проблемы ядерной программы Ирана (Совместный всеобъемлющий план действий – СВПД).

При этом в **российско-американских двусторонних отношениях** отсутствует прочная материальная база в виде взаимовыгодных совместных торговых, экономических и инвестиционных проектов. Немаловажно, что в США так и не сформировались политические силы, которые были бы заинтересованы в длительном поступательном, неконфликтном взаимодействии двух стран. И до кризиса между Россией и Западом двусторонние отношения носили нестабильный характер. Едва появившись на свет в 90-е – начале 2000-х годов, эта база не была должным образом укреплена, а на сегодняшний день – практически полностью разрушена в результате санкций. Философия санкционного давления на Россию была заложена в принятом в августе 2017 года - на волне обвинений Москвы во вмешательстве в президентские выборы 2016 года и работы Комиссии Р.Мюллера - законе «О противодействии противникам Америки посредством санкций».

Отказ избирателей поддержать проект Европейской Конституции, долговой и миграционный кризисы, Брекзит в условиях последствий так называемого «пятого расширения» 2004 г. преопределили, по крайней мере, на обозримое будущее определенные лимиты дальнейшего развития **Европейского союза** в качестве наднационального объединения. Стало ясно, что как углубление интеграции, так и дальнейшее расширение рядов ЕС может поставить под вопрос само существование Союза.

Итоги британского референдума по **Брекзиту** стали тяжелым ударом для руководства Евросоюза. Впервые возможность развития дезинтеграционных тенденций в ЕС из теоретической плоскости перешла

в практическую. Особое беспокойство в Брюсселе вызывает тот факт, что Брекзит явился логическим продолжением упоминавшихся выше кризисных явлений в развитии Европейского союза. Трудный выход Великобритании из Евросоюза демонстрирует хрупкость всей европейской интеграционной конструкции, что обусловлено качественно изменившейся глобальной и региональной средой, а также тем, что в результате политизированного расширения после введения евро был упущен интеграционный момент, а с ним и много времени. По существу, интересы европейской интеграции были принесены в жертву **расширению НАТО** (так наз. «двойное расширение»), так как для целого ряда новых членов Альянса главным призом при вступлении в него был прием в ЕС, сопряженный с реальными экономическими интересами.

Стремясь придать общий импульс сотрудничеству, Еврокомиссия стремится стимулировать развитие общей внешней и оборонной политики, что, однако, не означает, что сотрудничество на этом направлении будет развиваться быстро и без помех. При этом в заявлениях руководства ЕС и стран-участниц по этому поводу уже подспудно звучат антиамериканские мотивы. Отмечается необходимость самоопределения Евросоюза по отношению к США и намерение европейцев играть более самостоятельную роль в международных делах. Очевидно, что противоречия между европейцами и США далеко не исчерпаны. Однако, как показали многие скандалы последних лет, Вашингтон сохраняет важные рычаги давления на страны ЕС, и европейцы пока просто не могут системно противопоставить себя США. В этих условиях появление общей для всех «угрозы» в виде, например, так называемой «российской агрессии» или «дела Скрипалей», становится способом сплочения всех стран-участниц ЕС. К тому же в результате действия принципа консенсуса ЕС оказался в зависимости от позиции восточноевропейских государств, недружественно настроенных по отношению к России («ловушка консенсуса», о которой в свое время предупреждала Москва). Эти же страны – так наз. «Новая Европа» –

используются Вашингтоном для давления на ведущие европейские столицы в своих интересах, включая продвижение своего сланцевого газа.

Относительно дальнейшего развития ЕС существуют разные прогнозы. Одни специалисты полагают, что Союз уже в ближайшие годы может подвергнуться демонтажу до Общего рынка – ярким примером этой тенденции является Брекзит. Другие считают, что развитие пойдет по пути постепенного разрастания еврозоны, углубления взаимодействия внутри нее, создания новых органов управления в еврозоне (правительство, министр финансов), банковского и фискального союзов, коллективизации долговых обязательств и принятия общей экономической политики. В этом отношении многое будет зависеть от Берлина, который получает наибольшие преимущества от зоны евро и, соответственно, больше всех потеряет от её развала (возвращение марки грозило бы Германии с её зависимостью от экспорта экономической катастрофой). Что очевидно, так это то, что в обозримой перспективе ЕС не сможет превратиться в активного геополитического игрока: такие возможности могли бы предоставить нормализация политических отношений с Москвой и развитие евразийского вектора международного позиционирования единой Европы. Так или иначе, даже такие активные евроэнтузиасты, как Жан-Клод Юнкер, заговорили о «политкризисе ЕС».

Восстановление политического единства Европы ставит вопрос о будущем всей натоцентричной **архитектуры европейской безопасности**, перенесенной из прошлой эпохи со своими традициями и порядками, включая политику сдерживания, без существенных перемен и в ущерб общеевропейским институтам, таким как ОБСЕ, которая до сих пор не имеет своего устава. Наряду с НАТО в этом повинен и ЕС, действующий как «блок голосования» в региональных организациях и навязывающий свои позиции и свою нормативную базу (*acquis communautaires*) всем остальным, апеллируя к её «продвинутости» и принципу большинства. Растет понимание того, что эта система, давшая сбои в периоды Косовского, Кавказского

и Украинского кризисов, нуждается в коренной трансформации в направлении обеспечения на континенте равной безопасности для всех, принципа её неделимости.

Большой Ближний Восток

Удар по объектам саудовской нефтяной инфраструктуры дронами хуситов (15 сентября 2019 года), вызвавший сокращение добычи саудовской нефти практически вдвое и показавший уязвимость стратегических объектов королевства, нанес серьезнейший экономический и имиджевый ущерб Саудовской Аравии, а также репутации американского военно-промышленного комплекса, поскольку система противоракетной обороны Саудовской Аравии была создана на базе военного сотрудничества с США.

Значение атаки на нефтяные объекты королевства выходит далеко за региональные рамки, поскольку оказывает непосредственное влияние на глобальную экономику. Она может рассматриваться как ответный акт экономической войны против США и их союзников в зоне Персидского залива – не только как своего рода асимметричный ответ на действия военной коалиции во главе с Саудовской Аравией в Йемене, вызвавшие глубочайший гуманитарный кризис в этой стране. Ситуацию надо рассматривать в более широком контексте ужесточившегося – в связи с односторонним выходом США из СВПД – антииранского курса нынешней администрации США, воспринимающей Иран в качестве основной угрозы американским интересам в регионе. Вариант войны с Ираном пока исключается в силу, в том числе, намерения Трампа переизбраться в 2020 году: он обещал своему электорату, что больше не будет никаких войн с участием США на Ближнем Востоке. Данное обстоятельство объясняет попытки стран региона, в частности ОАЭ, замирииться с Тегераном и сократить формат своего участия в войне в Йемене за счет ставки на поддержку южан с перспективой нового раскола страны. Давление КСА и ОАЭ на Катар, поддержанный Турцией, по вопросу отношения

к Ассоциации «братьев-мусульман» (АБМ) и Ирану не возымело серьезных последствий, но внесло раскол в ССАГПЗ. Срыв джихадистской агрессии против Сирии побудил страны Персидского залива искать в Дамаске союзника в противодействии АБМ.

Именно отказ США от поиска компромисса, нарастание силового, санкционного и иного воздействия на неудобные им режимы, в число которых попала и Турция (из-за разногласий с США по Сирии и военно-технического сотрудничества с Россией), ведут к нарастанию региональной напряженности. Это вполне устраивает американский ВПК, рассчитывающий на рост военных закупок аравийскими монархиями. Такая политика чревата возможными столкновениями и провокациями как в отношении энергетических и инфраструктурных объектов региона, так и в отношении морских торговых путей в районе Ормузского и Баб-эль-Мандебского проливов.

Безопасность нефтяных и других стратегических объектов может быть обеспечена урегулированием конфликта в Йемене, поэтапным продвижением по пути формирования всеми странами зоны Персидского залива, включая Иран, системы региональной безопасности, что последовательно предлагает российская дипломатия. В осложнившейся в результате Арабской весны ситуации в регионе Россия оказалась здесь в роли главной модерлирующей державы, без которой всей региональной политике грозит крах. В этом же направлении действует Китай в рамках своего проекта «**Один пояс, один путь**». В плане обеспечения региональной стабильности трудно переоценить последствия недавно заключенного между Пекином и Тегераном соглашения о стратегическом сотрудничестве в сфере энергетики (на 25 лет с объемом инвестиций в 400 млрд.долл.).

Глобальная экономика

Геоэкономика: базовые сдвиги

Роль исторического Запада в глобальных процессах экономического развития прослеживается на примере эволюции соотношения его консолидированного ВВП с объемом **глобального ВВП**, который, по прогнозным оценкам МВФ, составит в 2019 году порядка 87 трлн.долл. (увеличение в 8 раз по сравнению с уровнем 1980 года).

Так, с начала 2000-х гг. доля ВВП США и стран Западной Европы характеризуется поступательным снижением. Доля США в мировом ВВП за последние 10 лет снизилась на 3,8 процентных пункта, Западной Европы – сократилась более чем на 7 процентов. Если ранее западноевропейский регион обеспечивал около трети мирового производства, то к настоящему времени лишь его пятую часть.

При оценке ВВП по **паритету покупательной способности** США уже переместились в 2016 году на второе место в мире с долей в размере 15,4%, а на КНР при таком подсчете приходится 17,8% мирового ВВП.

При сохранении текущих тенденций в мировой экономике, прежде всего динамичного роста развивающихся стран Азии, в частности КНР, с высокой вероятностью следует ожидать снижения роли США и Западной Европы в глобальных экономических процессах в среднесрочной перспективе. Ожидается, что **доля Китая** в общемировом ВВП в ближайшие годы приблизится к уровню 15%. По данным издания Global-finances.ru, за последние 20 лет ВВП КНР увеличился в 12 раз и составил в 2018 году почти 13,5 трлн.долл. В результате, по этому показателю Китай ещё в 2007 году превзошел Германию, а в 2010 году – Японию.

Однако развязанные США **торговые и валютные войны**, **экономические санкции** в обход СБ ООН, ситуация с Брекзитом могут внести некоторую коррекцию в данные прогнозы. Тем не менее, ослабление

роли Запада и его влияния на общемировые экономические процессы продолжится и должно учитываться субъектами экономики.

Текущая ситуация в мировой экономике характеризуется нестабильностью и непредсказуемостью, проявляются тенденции экономической **деглобализации**. «Экономический эгоизм», попытки подмены международного права «порядком, основанным на правилах», несут угрозы многосторонней торговой системе, провоцируя кризис ее основного регулятора – **Всемирной торговой организации (ВТО)**.

Фундаментальные принципы недискриминации и обеспечения доступа на рынки активно подвергаются эрозии и фактической ревизии. Действия США, их расширяющиеся антиконкурентные практики изменяют конфигурацию мировой торговли, грозя разрушить саму основу современной **многосторонней торговой системы**. Как отмечал недавно в своем блоге (martin.wolf@ft.com) ведущий экономический обозреватель газеты «Файненшл таймс» Мартин Вулф, «китайские позиции по многим пунктам (торговых разногласий с США) верны», а «фокус США на двусторонних дисбалансах экономически неграмотен». Более того, «почти все действия Администрации Трампа в области торговой политики нарушают правила ВТО, факт, косвенно подтверждаемый её решимостью разрушить систему урегулирования споров».

Под угрозой находятся основные функции ВТО – переговорная и урегулирование споров. Пересмотр рядом стран правил игры «под себя», тенденции к заключению **региональных торговых соглашений (РТС)** в противовес многосторонним, стагнация переговорного процесса и разрешения споров в рамках ВТО диктуют необходимость срочных шагов по укреплению роли и эффективности Организации, ее модернизации посредством содержательного и институционального внутреннего реформирования.

Дискуссии о необходимости ее обновления, актуализации правовых документов ведутся давно. Заявления о приведении ВТО в соответствие

с реалиями современного мира звучат особо настойчиво в последнее время. За реформирование, но не отказ от общих правил торговли, закрепленных ВТО, высказываются, в частности, Великобритания, Германия, Индия, Канада, Китай, Франция, Япония, Еврокомиссия. По мнению США, нормы ВТО устарели и нуждаются в реформе «в связи с такими вызовами, как подъем Китая и развитие Интернета». Вашингтон не исключает выход из Организации, если та «не изменится к лучшему». Россия выступает в поддержку ВТО, признавая при этом потребность в ее совершенствовании. Лидеры стран БРИКС призвали все страны-участницы к соблюдению правил и обязательств системы международной торговли в рамках ВТО. ООН приветствует предпринимаемые в настоящее время членами ВТО шаги «по усилению и усовершенствованию различных аспектов системы». Поддержку проведению реформы ВТО подтвердили на своей встрече в июне 2019 года в Осаке руководители стран, входящих в «Группу двадцати».

Требуется решение базовых проблем деятельности ВТО, заложенных еще при ее создании. Принцип консенсуса, например, существенно ограничивает скорость и качество принятия решений, отсутствие ограничений в повестке дня стимулирует чрезмерный рост числа обсуждаемых тем, а их широкий охват, «пробуксовка» многосторонних переговорных процессов подталкивают игроков к заключению региональных, закрытых многосторонних (с ограниченным кругом участников) торговых соглашений.

Критика структуры ВТО как системы соглашений сводится к нескольким аспектам: громоздкость и несовершенство юридической базы и, как следствие, уязвимость принятия решений перед большим количеством разногласий; несовершенство системы разрешения торговых споров, включающей в себя разнородный набор правил, отраженных в документах, созданных в разные временные периоды, в том числе в 40-50-е гг. XX в., а также механизма разрешения торговых споров; дискриминация наименее

развитых стран «богатыми» членами Организации по целому ряду аспектов, включая таможенные тарифы.

Наиболее острыми представляются вопросы урегулирования статуса развивающихся стран и их преференций, а также о будущих сферах деятельности Организации, где позиции развивающихся и развитых стран диаметрально противоположны.

Необходимо расширение юрисдикции Организации. Важно договориться об общих правилах игры в тех сферах, которые пока не регулируются в рамках ВТО. Следует приступать к проработке соглашений, учитывающих новые формы защиты интеллектуальной собственности, инвестиционные правила в цифровой экономике, правила трансфера цифровых технологий и доступа к цифровой инфраструктуре, электронной коммерции, вопросы деятельности малых и средних предприятий, торговли в рамках глобальных цепочек добавленной стоимости, госзакупок, а также связанные с защитой окружающей среды.

В связи со сложившейся правовой неопределенностью ряда существующих положений Организации назрела необходимость «постепенной» корректировки и уточнения Свода правил ВТО. Так, все чаще наблюдаются **злоупотребления исключениями из правил по соображениям национальной безопасности** – здесь лидируют США.

До последнего времени в ВТО отсутствовало какое-либо толкование **XXI статьи ГАТТ**, касающейся «исключений по соображениям безопасности»; многие государства-члены активно защищали позицию, что арбитры не уполномочены выносить решения по мерам, принимаемым в интересах национальной безопасности. По этой причине принципиальное значение имеет вступившее в силу в апреле 2019 г. решение третейской группы по делу **DS512**, признавшее необоснованность претензий Киева к Москве по ограничению транзита товаров, следующих с территории Украины через территорию России. Впервые решение третейской группы внесло некоторую ясность в трактовку статьи XXI статья ГАТТ. По мнению

арбитров, эта статья является неотъемлемой частью Соглашения ВТО и в ее отношении в полном объеме применяются правила и процедура разрешения споров.

Выводы третейской группы по данному спору особо важны в контексте инициированных некоторыми членами ВТО, в том числе Россией, судебных разбирательств против США. Так, принятое в апреле 2019 г. решение делает более весомыми российские аргументы в споре с Вашингтоном по пошлинам на импорт стали и алюминия.

Представляется важным усиливать согласованность в проведении макроэкономической политики и обеспечить координацию между членами ВТО, являющимися участниками **Евразийского экономического союза (ЕАЭС)**, по вопросам его компетенции. Направление нотификаций по мерам ЕАЭС, обмен информацией, а также участие в процедурах разрешения споров и исполнения обязательств, принятых государствами-членами Союза в ходе присоединения к ВТО, должны прорабатываться совместно с партнерами по ЕАЭС на площадке Евразийской экономической комиссии.

Продвижению и укреплению универсальности ВТО будет способствовать присоединение к ней новых членов. Россия придает важное значение успешному и своевременному завершению переговоров по вступлению в Организацию **Белоруссии**, единственного из государств-членов ЕАЭС за рамками ВТО, но уже де-факто выполняющего 95% норм Организации. Присоединение Белоруссии к ВТО позволило бы в дальнейшем поставить вопрос о членстве ЕАЭС в Организации, что, в свою очередь, могло бы создать определенные предпосылки для **субстантивных переговоров с ЕС о формировании общего экономического пространства**. Интерес к возобновлению процесса вступления в ВТО выразил **Узбекистан**, обозначив присоединение к Организации в качестве одной из приоритетных задач в Стратегии действий страны на 2017-2021 гг.

Существенное влияние на современную мировую торговлю оказывают процессы региональной интеграции. Ставка на межрегиональное

партнерство, заключение РТС объясняется как активным перемещением производств, так и появлением новых направлений, которые не регулируются правилами ВТО. Необходимо дальнейшее рассмотрение вопросов системного влияния региональных торговых соглашений на многостороннюю торговую систему, их соотношения с нормами ВТО, совершенствования механизмов транспарентности процессов региональной экономической интеграции. В оценке РТС нет единства, сильно влияние политического фактора. Так, при попытках создания трансокеанских партнерств (ТТП и ТТИП) зримо проявился американский подход, свидетельствующий о стремлении Вашингтона к формированию площадок, альтернативных ВТО, восстановлению контроля США над мировой торговлей, экономическому ослаблению и изоляции Китая, России, других стран БРИКС. Крупные региональные соглашения, инициированные США, несут риски для третьих стран. При этом сами нормы ВТО не препятствуют выработке РТС. Региональные торговые соглашения призваны не замещать, а дополнять многостороннюю систему, последствия их распространения должны быть под особым контролем. Нескоординированный процесс развития правил в РТС создает дополнительные риски для глобальных правил.

Реальные результаты от **членства России в ВТО** не полностью совпали с ожиданиями. Наша страна не получила доступ к передовым технологиям, не выросли объемы прямых инвестиций, затруднено получение дешевых финансовых кредитов. Снижение российских импортных пошлин при вступлении в ВТО вкупе с усилением конкуренции на внутреннем рынке пошатнули **позиции российских сельхозпроизводителей**. И лишь позднее, как следствие введения Москвой контрмер в ответ на западные санкции в связи с разногласиями по Украинскому кризису, ситуация в агропромышленном комплексе начала выправляться.

Россия изначально рассчитывала использовать участие в Организации для разработки новых правил международной торговли, продвижения

национальных интересов, получения возможности эффективно защищать и отстаивать свою позицию в рамках имеющихся правил. Вместо стабильных и предсказуемых условий доступа на рынки мы столкнулись с ростом протекционизма, его одной из самых агрессивных форм – санкциями, особенно применяемыми экстерриториально, направленными на защиту зарубежными партнерами своих компаний, предоставлением для них преференций на внутреннем рынке и на рынках третьих стран.

Вместе с тем серьезным долгосрочным вызовом для России является продолжающийся **технологический прогресс**, в котором стране предстоит занять достойные позиции.

Большинство членов ВТО, признавая востребованность ее модернизации, остаются твердыми сторонниками многосторонней торговой системы, убеждены в необходимости сохранения ключевой роли Организации в обеспечении свободной и справедливой торговли. Наличие проблем не девальвирует потребность в ВТО как единственном глобальном регуляторе торговых правил, отмечающем 1 января 2020 г. четверть века своей деятельности. Где, как не здесь, Запад мог бы подтвердить свою приверженность «порядку, основанному на правилах».

Энергетика

Развитие новых технологий в добыче и использовании углеводородных ресурсов, энергосбережение, динамика мировых цен, стремление регионов и отдельных стран к повышению или достижению самодостаточности в энергоресурсах приводят к стремительным преобразованиям на мировых и региональных энергетических рынках, изменению энергетических балансов стран.

По прогнозным оценкам, **мировое потребление энергоресурсов** в ближайшие 30 лет может увеличиться почти на 60% по сравнению с началом 2000-х гг.

Россия активно вовлечена в процесс международных «энергетических» отношений. Страна занимает первое место в мире по добыче нефти и газового конденсата (12,4%), второе после США – по добыче газа (17%). Российский энергетический комплекс вносит значимый вклад в формирование валового внутреннего продукта (22,6%), доходной части федерального (38%) и региональных бюджетов; доля его продукции в экспорте составляет 57%.

Усилия **энергетической дипломатии** способствуют минимизации последствий вызовов, с которыми сталкивается Россия в рамках современного развития мировой энергетики. Все чаще конкретные вопросы международного энергетического сотрудничества становятся предметом специальной дипломатической проработки.

Достигнутое, благодаря исполнению **Соглашения ОПЕК+**, равновесие на рынке нефти представляется довольно хрупким. Развитие и совершенствование технологий добычи сланцевой нефти и сланцевого газа, в первую очередь в США (объем строящихся там и уже законтрактованных мощностей по сжижению составляет порядка 90 млрд. куб.м в год), может при соответствующем уровне цен показать прирост и вновь дестабилизировать энергетический рынок. И хотя финансовая и инвестиционная устойчивость сланцевой отрасли вызывает сомнения, складывающиеся изменения в энергобалансе и на региональных рынках, порождаемые «**сланцевой революцией**», являются вызовом, меняющим энергетическую картину мира и «правила игры». Отмечается динамика роста североамериканского экспорта СПГ. Агрессивность проводимой Вашингтоном энергополитики, настойчивое продвижение американской модели построения энергетических рынков, стремление придать характер глобального сырьевого товара североамериканскому СПГ уже ведут к подвижкам в стратегиях, перестройке структур взаимодействия, появлению новых и вытеснению традиционных энергоигроков. Энергетическая политика США — это жизненно важный элемент не только экономической, но всей

американской внешней политики: в **Стратегии национальной безопасности администрации Трампа (декабрь 2017 года)** поставлена задача превращения Америки в «глобальную энергетическую державу».

«Сланцевая революция» в США позволила обеспечить национальную экономику собственными углеводородами и даже стать их экспортером. Прежняя высокая зависимость Вашингтона от зарубежных энергоэкспортеров, прежде всего с Ближнего Востока, значительно ослабевает. Саудовская Аравия теряет статус стратегического партнера США в энергетике, и этот факт может сыграть в пользу России и других игроков.

Энергетическая дипломатия России стремится не допустить в долгосрочной перспективе ослабления конкурентных позиций страны на традиционных энергорынках. Российские энергоэкспортеры учитывают новые геостратегические и экономические реалии, перспективу прихода североамериканского СПГ в Европу, Южную Америку, на премиальные рынки АТР, появление на европейском энергопространстве самого успешного продавца СПГ – Катара. Именно Доха (32% от общемировых объемов экспорта СПГ), а также Австралия (8,5%) являются серьезными конкурентами для России в борьбе за **глобальные рынки СПГ**. Усилия Москвы направлены на занятие достойной ниши на мировом рынке СПГ – 20% к 2035 г. Сегодня она достаточно скромная – 4,5%. Россия занимает 8-е место среди 17 стран-экспортеров СПГ. В декабре 2017 г. в российской Арктике начал работу «Ямал СПГ», до 2025 г. предполагается запустить еще три проекта суммарной мощностью 41,2 млн. т: «Арктик СПГ 2», «Балтийский СПГ», расширение производства сжиженного газа на Дальнем Востоке.

Необходимо избегать конкуренции на зарубежных энергорынках российских СПГ-проектов с российским же трубопроводным газом – напротив, надо стремиться к максимальной отдаче и диверсификации экспорта. В ответ на «сланцевые» вызовы российские компании постепенно

наращивают присутствие в сегменте краткосрочных сделок и спотовых операций.

По прогнозам **Мирового энергетического агентства**, Россия в перспективе до 2035 г. сохранит позиции ведущего игрока на мировом рынке энергетики. Возрастет значимость для российских энергокомпаний азиатского направления; за счет наращивания поставок в Китай, Японию, Республику Корея и другие страны АТР (с 6 до 22-25%) будет сокращаться доля европейского направления в общем объеме российского экспорта.

Санкции – недобросовестная конкуренция

Конкуренция государств в сфере международных экономических отношениях продолжает стремительно нарастать. В ход идут любые формы борьбы, включая неприкрытое давление и санкции.

Бесспорным «чемпионом» по применению санкций являются **США**. Согласно исследованию Института международной экономики Питерсона (США), в период с 1970 по 2014 гг. в мире зафиксирован 161 эпизод использования экономических санкций, из которых Вашингтон участвовал в 111, причем в 54 случаях без поддержки других стран. На данный момент санкции США действуют, по крайней мере, в отношении 20 стран.

Санкции редко приводят к достижению поставленных целей. Так, за период 1970-1996 гг. наложенные США ограничения достигли официально заявленных целей лишь в 13% случаев. Вашингтон все чаще стремится вовлечь в орбиту применения рестрикций другие государства, прежде всего союзников по НАТО и страны-члены ЕС.

Особое место в санкционной практике занимают «экстерриториальные» ограничительные меры. Показательным примером экстерриториального давления является санкционная политика США в отношении Ирана, проводимая с 1979 года. **Совместным всеобъемлющим планом действий (СВПД)**, принятым Ираном и шестеркой переговорщиков (Россия, США, Франция, Великобритания, Китай и Германия) в 2015 г.,

предполагается поэтапная отмена антииранских западных санкций. Однако выход США из СВПД в мае 2018 г. не только вновь восстанавливает уже отмененные американские рестрикции, но и серьезно расширяет и ужесточает санкционный режим, прежде всего в энергетической и валютно-финансовой сферах.

Пересмотр Вашингтоном в одностороннем порядке политических приоритетов и договоренностей, новое усиление давления на Тегеран и европейских партнеров заставляет задуматься о возможных последствиях применения жесткого антииранского санкционного варианта к России. Экстерриториальный характер рестрикций может в первую очередь коснуться российского нефтегазового сектора.

Расширяется спектр финансовых механизмов, включая **вторичные санкции** против банков (здесь реализуется контроль США, в том числе через привилегированный статус доллара, над глобальной валютно-финансовой системой), и повышается значение ограничений на передачу технологий. Принятый в США в 2017 г. закон **«О противодействии противникам Америки посредством санкций» (Countering America's Adversaries Through Sanctions Act – CAATSA)** подтверждает наметившуюся тенденцию. Закон накладывает дополнительные ограничения на Иран, Северную Корею и Россию, позволяет вводить санкции в отношении их партнеров по всему миру.

Для Российской Федерации западные санкции не являются чем-то новым. Отечественная экономика многократно испытывала зарубежное санкционное давление: сразу после Октябрьской революции 1917 г. странами Антанты была введена торговая и морская блокада России, с 1925 г. – «золотая блокада», в 1930-е гг. – санкции против «советского демпинга», 1949–1994 гг. – директивы КОКОМ, эмбарго государств-членов НАТО (1962 г.), ограничительная поправка Джексона-Вэника к Закону о торговле США (1974 г.), санкции в ответ на ввод ограниченного контингента советских войск в Афганистан (1980 г.).

Нынешние антироссийские санкции Запада, инициированные в марте 2014 г. США, поддержанные Евросоюзом и рядом других стран, регулярно пролонгируются, а их охват расширяется. СААТSA стал качественно новым витком санкционного противостояния. Закон напрямую затрагивает интересы третьих стран, прежде всего членов ЕС, в первую очередь в энергетике, ВПК и финансовой сфере.

Как отмечается в ежегодном докладе **Временной комиссии Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации** (февраль 2018 г.), следует ожидать периодического ужесточения санкций под различными предлогами. Грубая **политизация спорта**, новые «кремлевские списки», синхронизированные дипломатические демарши явно вписываются в общий антироссийский сценарий.

В обозримой перспективе экстерриториальное расширение национальных юрисдикций будет характерным элементом внешнеэкономической политики стран коллективного Запада. Санкционные меры будут ужесточаться и сохраняют свое значение как средство фрагментации торговых пространств, оказания политического давления на власти и «управление конфликтами». Российской дипломатии, включая парламентскую, следует продолжать в ходе двусторонних контактов и в рамках международных объединений и профильных организаций (ООН, «Группа двадцати», ВТО) проводить линию на осуждение использования экономических ограничений как скрытой формы протекционизма.

Повестка дня мирового развития

В настоящее время «повестка развития» (а это, прежде всего, значимый экономический рост, сопряженный со снижением социально-экономических диспаритетов и имущественного неравенства, увеличением занятости) стала центральным направлением политики всех без исключения стран – членов

мирового сообщества. (Косвенное подтверждение данного тренда – учреждение в ведущих университетах Западной Европы, США и Японии научно-исследовательских центров проблем развития, объектами изучения в которых являются не только переходные общества, как это было ранее, но и промышленно развитые страны.) **Новую парадигму экономического развития** еще предстоит сформулировать. Пока же предлагаются следующие меры: реиндустриализацию развитых обществ за счет возвращения производств «домой» (в той мере, в которой это реально возможно); программы (с активным участием государства) подготовки и переподготовки квалифицированной рабочей силы; стимулирующие меры индикативного характера для конкретных отраслей, предполагающие повышение их конкурентоспособности в условиях обостряющейся конкуренции; усиление протекционизма; прогрессирующее увеличение финансирования инновационных отраслей и обеспечивающих их расширенное воспроизводство НИОКР (в русле превращение науки в непосредственную производительную силу) и др.

Перед миром, как развитым, так и развивающимся, стоит **проблема занятости** трудоспособного населения. По расчетам экспертов ООН, в ближайшие годы по всему миру необходимо создать не менее 600 млн. рабочих мест, причем не только в развивающихся странах. От эффективного разрешения возможного «кризиса занятости» напрямую зависит устойчивость политических систем в подавляющем большинстве государств мира, а также смягчение остроты продолжающихся и формирующихся локальных и региональных конфликтов. **Четвертая технологическая революция**, предвестниками которой являются **роботизация и искусственный интеллект**, способна в ближайшее время сократить «армию труда» (прежде всего в странах «золотого миллиарда») не менее чем на 75 млн. рабочих мест. В повестку дня встает вопрос о введении **всеобщего прожиточного минимума**. Движение развитых экономик по подобной траектории может усилить внутренние напряжения в обществах Запада

и иметь следствием дальнейшее укрепление сил, выступающих с радикально-популистских позиций. Тесно переплетаясь с сохранением (а возможно и нарастанием) кризисных явлений в мировой политике, новая реальность может стать движущей силой глубокой качественной **перестройки партийно-политических систем** стран–лидеров мировой экономики с перспективой интенсификации как хаотических, так и реактивно-авторитарных тенденций. Среди западных стран в данном отношении определенное преимущество (оно же и конкурентное) сохраняют **США и Великобритания**, которым удастся управлять трансформационными процессами в рамках существующих ведущих политических сил: «революцию Трампа» «приютила» Республиканская партия, а Брекзит взяли под своё крыло консерваторы.

Поскольку на первый план для всех стран выходят проблемы развития, создаются уникальные условия для единения мирового сообщества на этой основе, тем более что очевидно, что в глобализирующемся мире проблемы развития одних «переливаются» в другие страны потоками беженцев, угрозой терроризма, эпидемиями, деградацией окружающей среды, изменением климата и т.д., обостряя уже их собственные проблемы развития. Раздельное существование государств и групп государств стало невозможным, как ни пытаться повернуть процесс **глобализации** вспять. Новая повестка дня мирового развития требует преодоления старой с её силовой составляющей, сложившейся в прошлую эпоху и диктуемой логикой всего предшествующего развития человечества (рабовладение, колониализм, империализм, национализм и идеологическая конфронтация). Требуется свежий взгляд на состояние и задачи международных отношений, включая **Содействие международному развитию (СМР)**, который позволил бы выйти на подлинно коллективные и устойчивые решения существующих и будущих проблем и вызовов.

Как никогда прежде, о себе заявляет деградация окружающей среды, что требует ускоренного развития **«зеленой экономики»**, включая

производство **«органических продуктов»**, то есть отвечающих принципам поддержания биологического разнообразия, устойчивого развития, поддержания плодородия почвы, использования возобновляемых ресурсов и т.д. Видимо настало время принять в ФАО «зеленый стандарт» («green line») на продукты питания, которые выращены на «чистых» удобрениях с низким содержанием тяжелых металлов и с предельно низким использованием пестицидов. По этому пути уже пошла Россия и страны Западной Европы в части удобрений.

Огромным соответствующим потенциалом, имеющим планетарное значение, обладает **Россия** – это запасы пресной воды, сельхозугодья и леса. К ним можно отнести и такие элементы нашего традиционного культурно-цивилизационного кода, как открытость, инклюзивность и плюрализм, которые уже обеспечивают нам преимущество в мировой дипломатии, поле которой расширяется по мере того, как сжимается пространство силовой политики. Не раз в своей истории Россия играла сводящую, **модерирующую роль** в мировых и европейских делах (чего стоит один процесс деколонизации!). Она востребована вновь, теперь уже и в сфере **устойчивого развития**, о кризисе которого говорит такое уродливое явление (а оно свидетельствует в том числе о полном провале на этом направлении западных элит, бездействовавших на протяжении всего «однополярного момента»), как странно неожиданная популярность шведской школьницы Греты Тунберг.

Успешное **внутреннее развитие**, которое всегда служило **конечным внешнеполитическим ресурсом**, обретает абсолютное значение и одновременно неотъемлемое международное измерение: **только развитие всех может быть действенным залогом развития каждого**. Это придется понять всем: это та пропасть, в которую можно не смотреть, но она все равно будет смотреть на нас. Если чему-то и учит опыт 30 лет, прошедших после окончания холодной войны, то, наверное, этому.

Москва, 14 октября 2019 года